

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УБИЙЦЫ

Глава I

ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Путешественник, преодолевающий расстояние в пятьсот километров между Парижем и Страсбургом в какие-нибудь несколько часов, может ли представить себе, что было время, когда за столько же часов едва проезжали от границы одного департамента до другого.

Однако же это так. В начале настоящего века колымага, служившая для переезда между древней столицей Лотарингии и не менее древними городами Спина, Эспиналь и Эпиналь, выезжая утром, на рассвете, из одного пункта, достигала цели путешествия к ночи, когда между ними едва насчитывалось до пятнадцати лье.

Но это потому, что в дороге были остановки, а не потому, что на дороге встречались разбойники. Западные провинции были, слава богу, избавлены от грабежей шаек *Душителей*, *Шофферов*, *Сальных Масок* и других, которые со времени кровавой зари революции свободно грабили и хозяйничали в бассейнах Рейна, Луары и Роны.

Но если по Мозелю и не встречались ни шуаны, ни грабители, то гостиниц было вдоволь. В Флавины завтракали в гостинице «Белая лошадь», в Шарме обедали в «Почтовой гостинице», закусывали в Номекси под вывеской «Золотой лев», не считая станций в Игней, Таон и Шавело, где охотно выпивалось по кружке пива или ликера, вечером обязательно ужинали в Эпинале, в зале «Отеля де Вож».

Драма наша начинается именно в эту эпоху медленного передвижения, обильного продовольствием.

Была середина термидора XII года, или, яснее сказать, июль месяц 1803 года. Двенадцать часов било на башенных часах церкви в Шарме, главном городе кантона, через который пролегала дорога из Метца в Бельфор, на Нанси, Эпиналь и Ремиремон.

Колымага, о которой мы только что говорили, проехала с шумом и

дребезжанием по худо вымощенной единственной улице маленького городишки, остановилась на площади мэрии, у того самого места, где позже возвысился красивый бронзовый фонтан, к общей радости и восторгу обывателей.

С одной стороны площади красовались здания, конюшни и сарай почтовой станции, которые и теперь еще существуют.

Услышав звон бубенчиков и громкое хлопанье бича, из конюшен выбежали несколько конюхов и окружили вспотевших лошадей. Один из них крикнул кондуктору:

— Эй! Колиш, сколько проезжающих будут обедать?

— Двое, мой сынок. Ровно пара... Один в открытом отделении, другой в кабриолете.

И Колиш, вытирая полую кафтана вспотевший лоб, добавил:

— Кто будет ездить по такой жаре! У меня под мышкой сварилось бы яйцо.

И он спрыгнул с сундука дилижанса, служившего ему сиденьем, чтобы выпустить несчастных путешественников, с нетерпением желавших выйти из своих запертых отделений.

— Здесь простоим час. Если господа желают что-нибудь скушать...

Судите сами, с какой радостью пассажиры воспользовались предложением кондуктора. Как сидевший в открытом отделении, так и пассажир кабриолета живо выскочили на мостовую.

— Святой боже! — вскричал первый, очутившись на ногах. — Еще пять минут, и я бы сварился. Повернуться нельзя, так и жжет... Право, подумаешь, что эти экипажи были придуманы для арестантов!

Второй пассажир подозвал между тем Колиша:

— Друг мой, спустите мой чемодан. Я остановлюсь здесь.

В дверях дома, прилегающего к конюшне, показалась личность вся в белом — в куртке и бумажном колпаке, — по обычаю всех времен и всех государств, с величественным видом ощипывающая какую-то жирную птицу. Услышав приказание второго путешественника кондуктору, он вдруг остановился и, снимая колпак, спросил, кланяясь:

— Гражданин, не окажете ли мне честь провести ночь у меня?

И, не ожидая ответа, продолжал:

— Я могу предложить гражданину помещение, которое прежде занимал бывший польский король, когда он удостаивал меня своим посещением, так как я должен вам сказать, что зовут меня Антуан

Ренодо, я содержатель почты, хозяин гостиницы и бывший повар при доме Лоренов.

Мэтр Антуан Ренодо когда-то держал вертелo в кухнях Люневильского замка, но он умолчал об этом.

Выслушав хозяина гостиницы, путешественник улыбнулся:

— Очень благодарен вам за ваше предложение, но я не могу воспользоваться им. Не говоря про то, что я считаю себя слишком незначительной личностью в сравнении с польским королем, чтобы занять его помещение, я должен продолжить свое путешествие и воспользуюсь для этого ночной прохладой.

— Я сожалею об этом. Вы не найдете на десять лье вокруг другой такой постели, какую могу я предложить.

— Я в этом убежден, хозяин, и от души поздравляю. Но в ожидании того дня, когда случай позволит мне воспользоваться вашим сегодняшним предложением, будьте столь добры похлопотать, чтобы достать пару лошадей, какую-нибудь тележку и проводника, чтобы привезти меня к месту назначения.

— Ничего не может быть проще. Я весь к вашим услугам. Куда едете вы, гражданин? На Рамбервиллье, на Невшато или на Мирекур?

— На Мирекур и затем еще дальше...

— А!..

— В сторону Виттеля...

— О!

Первое восклицание Антуана Ренодо было выражением беспокойства. Второе уже было произнесено с ужасом...

Последовала минута молчания, за которой почтенный хозяин гостиницы взволнованным голосом сказал:

— Я, верно, худо расслышал! Вы едете к Виттелю! Полноте! Это невозможно!

— Но я туда еду, черт возьми! Вы отлично поняли меня, хозяин, я еду неподалеку от Виттеля. Почему вы сомневаетесь и что может вас удивить в этом?

Во время этого разговора бывший поваренок короля Станислава принялся снова за птицу. Положительное и категоричное заявление путешественника о том, что он едет в Виттель, окончательно поразило его и заставило забыть ошипать одно крылышко утки.

Конюхи, окончившие свое дело у дилижанса, обступили приезжего и

громко делали свои замечания:

— Еще один, с которым счеты скоро покончат.

— Как с теми...

— Пропадет совсем... никто не видел и не слышал.

Кондуктор Колиш со своей стороны счел долгом сказать:

— Все та же история...

В это время две женские головы торчали из окна нижнего этажа и, глядя на проезжего, говорили:

— Бедный молодой человек!

— Как его жалко!

«Бедный молодой человек» слушал и смотрел вокруг себя с возрастающим удивлением.

— Но, однако, — обратился он к Антуану Ренодо, — вы объясните мне, я надеюсь, что значат все эти возгласы и общее удивление?

Хозяин гостиницы открыл рот, чтобы ответить. Но первый путешественник прервал его.

— Однако же, господа, — сказал он, — довольно болтать на площади, если вы боитесь солнечного жара. Я его не боюсь, упаси боже! Мы с солнцем старые друзья по Италии и Египту; в Арколе, в Риволи, в Гелиополисе оно меня достаточно жгло... но дело в том, что мы толковали о завтраке... о бутылке вина... Я не скрою от вас, что желудок мой совсем пуст.

Все это было произнесено резким и громким голосом, каким говорит обыкновенно человек военный, привыкший к повелеванию, но, однако, с таким добродушием, что второй путешественник нимало не обиделся и, вежливо поклонившись, отвечал:

— Вы правы, гражданин... Я невольно заинтересовался таинственными намеками и забыл...

— Что пора поесть и выпить, не правда ли? Пока вы спали сегодня утром на станции в Флавины, я уже подкрепился немного. Не будем медлить; если вы останетесь здесь, то будете иметь достаточно времени наполнить желудок, тогда как у меня есть всего один час, чтобы набраться сил снова засесть в колымагу до Эпиналя.

Второй путешественник обратился к хозяину гостиницы.

— Мэтр Ренодо, — сказал он, — я вас позже попрошу дать мне объяснение того, что я слышал. Теперь же мы торопимся убедиться, так ли хорош у вас стол.

Возвращенный к действительности бывший люневильский повар с отчаянием вскричал:

— Боже мой! Пока мы здесь болтаем, жаркое мое совсем сгорит.

— Снимите же его скорее с вертела, — распорядился первый путешественник.

— Что вы? Чтобы оно было подано холодным к столу?

— Вы можете снова его подогреть.

Антуан Ренодо укоризненно покачал головой:

— Это был бы поступок против всех правил искусства.

— Ба!

— Как бы я упрекнул себя! Как бы я покраснел от стыда!

— Закройте глаза и тогда ничего не увидите.

— Эй, гражданин, вам хорошо говорить!

— Святой боже! Если мы же сами будем его есть, я надеюсь, что...

— Это все равно, — сухо прервал его трактирщик. — Ваш желудок переварит жаркое, а моя совесть — нет.

— В таком случае делайте как хотите, друг мой, — сказал второй путешественник, чтобы закончить прения. — Мы предоставляем все вашему благоусмотрению.

— Нет ничего на свете, — сказал хозяин, — что могло бы заставить с удовольствием съесть разогретого цыпленка.

Глава II

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДРАГУН И БУРБОНСКИЙ СТРЕЛОК

Воспользуемся тем временем, что наши два путешественника занялись удовлетворением своего аппетита, чтобы представить читателям эти две личности, которым суждено играть значительную роль как в прологе, так и в самом рассказе нашем.

Как тому, так и другому, казалось, было не больше тридцати лет, зато во всем другом, как в костюме, так и в лицах, они вовсе не походили друг на друга.

Тот, который первым вышел из колымаги, был в походной форме тех знаменитых драгун, которые споспешествовали в такой значительной мере победе при Маренго, затем вскоре должны были быть переименованы в Императорскую гвардию. На обшлагах его рукава блестел галун квартирмейстера, геройски выдерживавший сырость дождя, пыль дневок и клубы порохового дыма в сражениях.

Этот солдат своим высоким ростом, прямой выправкой, как палаш, оставленный им в дилижансе, с кивером и плащом, со своим загорелым лицом, широкими плечами и выпуклой, как кираса, грудью, олицетворял собой ту превосходную кавалерию, которую пруссаки во время войны называли железными всадниками.

Удивительное выражение добродушия, разлитое во всех чертах лица его, смягчали то впечатление, которое производил вид этого атлета. Эти густые усы скрывали добродушную улыбку, никогда не сходящую с его толстых губ. Глаза его, блестящие отвагой и мужеством, выражали всю его беспечную веселость и доброту.

Его собеседник — белокурый, худощавый, бледный, с изысканными манерами, аристократическими руками, с правильными чертами лица и задумчивыми, меланхолическими глазами, был одет в левице с маленьким отложным воротником, которую ввел в моду герцог Орлеанский после возвращения из Англии. Отвороты полосатого жилета его откидывались на жабо тонкой батистовой сорочки. Его панталоны в обтяжку цвета гри-перль спускались до белого тонкого

чулка и стягивались бантом из лент.

Когда наш унтер-офицер съел вторую тарелку супа, то с удовольствием выпил одним залпом стакан вина.

— Ну, еще один, — сказал он, наливая второй, — этому тоже не долго ждать производства в капралы, мы произведем его за отличие, *sacrodious*!

— Как вы говорите? — спросил его молодой человек.

— Я говорю *sacrodious* — марсельское выражение, которое я заимствовал у Мюрата.

— Вы знали Мюрата?

— Мы были с ним товарищами лет двенадцать тому назад... Не потому, что я был гасконцем! Вовсе нет! Я — лотарингец, все что есть самого чистого, как эта свиная ножка, от которой, если хотите, я отрежу вам славный кусочек... Я дитя и волонтер из Вожа...

— Я также уроженец Лотарингии и также из Вожа.

— В таком случае за ваше здоровье, земляк.

— И за ваше, мой дорогой соотечественник.

Выпив свой стакан, блондин посмотрел на унтер-офицера и тихо проговорил:

— Это странно!

— Что такое?

— Ваше лицо мне отчасти знакомо. Мне кажется даже, что голос ваш я слышу не в первый раз.

Тот в свою очередь оглядел собеседника.

— Может быть, вы и правы, — отвечал он. — С моей стороны, мне тоже кажется, что я уже имел удовольствие... Вы не служили в национальной армии?

— Сожалею, что не имел этой чести.

— Я говорю к тому, что мы могли в таком случае встретиться на Сейне и на Ниле, в Италии и в Египте с генералом Бонапартом и в Эльзасе и Германии с Гошем и Пишегрю — когда я был в пятом драгунском.

— Вы были с Гошем и Пишегрю в Эльзасе, в пятом драгунском?

— Да, там я заслужил мои эполеты и нашивки бригадира...

— Не участвовали ли вы в деле при Давендорфе?

— В Давендорфе?.. Я едва не лишился там шкуры своей! Представьте, что несколько человек, я в том числе, отправились на

фуражировку и захватили два орудия и пруссаков, которые отступили к деревне, как вдруг на опушке леса меня окружили с полдюжины длинных чертей с рыжими бородами.

— Силезские уланы!

— Именно так! Они мне кричат: «Ergib dich! Ergib dich!^[1] Сдавайся!» Мне сдаться! Что они, ошалели! Лучше смерть! Я им отвечал ударами сабли. Но пуля, пущенная в упор, ранила меня в плечо... Невозможно двинуть рукой... Разбойники хотели меня уже связать, как вдруг, на мое счастье, является враг...

— Враг?

— Подождите... Язык мой заврался, я хотел сказать роялист, дворянин... Словом сказать, из армии принца Конде.

— Не поручик ли из стрелков-бурбонов?

— Вы угадали... Увидев его, я уже думал, что совсем погиб, потому что мы со своей стороны не выпускали эмигрантов из рук после сражения... «Наверно, — думаю я про себя, — он прикажет меня приколоть...»

— А!

— Но я ошибся, очень ошибся.

— Неужели?

— Мой молодец приказывает немцам, напротив, оставить меня, и, когда те выказали нежелание повиноваться его приказанию, он так начал размахивать шпагой, что те отошли. Он слез с лошади, посадил меня на мою, сказав мне чуть ли не женским голосом: «Мы боремся только с республиканскими идеями. Поезжайте к своим, и пусть наша кровь, проливаемая теперь в братоубийственной войне, сольется для славы отечества!

Раз нога была в стремени, я живо вскочил в седло. Я что-то пробормотал в благодарность моему спасителю, но он вместо ответа сказал мне: «Поезжайте, там трубят сбор. Скорее перевяжите рану. Я также займусь своей, счастливый, что оба мы ранены вражеской рукой». Он получил рану пикой...

— Да, на лбу, над правым виском.

Унтер-офицер вскочил от удивления.

— Откуда вы знаете это? — вскричал он.

Собеседник нагнулся к нему через стол.

— Вот этот шрам, — отвечал он.

Квартирмейстер вскочил со стула.

— Вы! Это были вы! — вскричал он. — А! Sacrodieux! Как люди встречаются!

Он был поражен, изумлен... Глаза его сделались влажны от волнения.

Он вдруг подбежал с распростертыми объятиями к молодому человеку.

— Sacrodieux! Вы позволите, гражданин, вас обнять?

— От всего сердца, товарищ!

Они обнялись и поцеловались, после чего унтер-офицер громко ударил по столу, вскричав:

— Эй, хозяин! Слуги! Все грозы и молнии!..

На этот шум прибежали две девушки, служащие в гостинице.

Унтер-офицер отдал следующее приказание:

— Внимание, цыплятки! Принесите нам сейчас же пару бутылок, настоящих... Тиокур или Панье, как хотите... за ценой не стоим. Только если вино будет скверно, я хозяина посажу в бутылку. Поняли вы? Налево, по четыре в ряд, Марготон и Жаннетон! Эскадрон, вперед! Рысью!

И, обращаясь к собеседнику:

— Я хочу выпить с вами старого лоренского вина.

Почтенный квартирмейстер взбудоражил весь дом от избытка радости.

Однако лицо его вдруг нахмурилось. Он внимательно стал рассматривать сидевшего напротив.

— А, я вспомнил, — сказал он. — Вы эмигрировали?

— Ну что же?

— И я надеюсь, что вы вернулись в Париж без худых намерений?

— Без худых намерений? — переспросил молодой человек.

— Ну да! Иногда в Париже встречаются шайки вандейцев, шуанов и партизан старого правления и также первого консула, которые затевают всевозможные махинации и заговоры.

— Успокойтесь, — отвечал молодой человек очень серьезно. — Благодаря закону, позволившему мне вернуться на родину, я согласился без задней мысли со всеми новыми порядками. Я мог открыто бороться за дело дворянства, но не буду тайно замышлять что-нибудь против моего отечества. У этих господ вандейцев есть свои воззрения и мнения,

у меня — свои. Шпага, которою я дрался, разлетелась на мелкие куски, я не подберу ни одного из них, чтобы сделать кинжал.

И с хитрой улыбкой он прибавил:

— Поверьте мне, впрочем, что не шуаны угрожают существованию республики; партизаны старого режима угрожают жизни первого консула. Что же касается республики, то если она и падет, то не в пользу принца, сосланного в Гаршвель.

— Как, — спросил квартирмейстер, — вы думаете, что генерал Бонапарт...

— Я думаю, что генерал Бонапарт, великий полководец и отличный политик. Больше, чем кто-нибудь другой, я поклоняюсь его военному таланту и его блестящим результатам, не сомневаюсь, что он сумеет дать Франции спокойствие и довольство, как дал ей почетное место в Европе, я готов полюбить его всю душой.

Унтер-офицер в знак большого удовольствия ударил так сильно кулаком по столу, что задребезжала вся посуда.

— И отлично! — вскричал он. — От вас большего и не требуют. Вы заняли место в моем сердце между героем Маренго и моей маленькой сестрой Денизой.

— Денизой?

Эмигрант вздрогнул всем телом.

— У вас есть сестра, которую зовут Денизой? — спросил он взволнованным голосом.

— Хорошенькое имя, не правда ли?.. И я уверен, что она сделалась красавицей за эти двенадцать лет, что я не видел ее кончика ноги.

Прислужница вошла с двумя запыленными бутылками.

— Моя милая, — приказал ей военный, — такую же бутылку вы отнесете Колишу-кондуктору. Пусть он оставит нас поболтать немного подольше. Я — единственный пассажир, и у нас еще много времени, чтобы добраться до Эпиналя.

И, откупоривая одну из бутылок, он продолжал:

— Да, а большая была уже девочка, моя Дениза, когда я покидал Вож. Ей теперь может быть двадцать пять лет. Это уже женщина... пора подумать о ее замужестве.

Старания его освободить бутылку от паутины, пыли и красного сургуча помешали ему заметить смущение, которое охватило его собеседника, услышавшего имя Денизы, смущение, которое ему удалось

наконец побороть.

Упомянем об одной особенности, которую мы не должны скрыть от читателя.

Столовая почтовой гостиницы была в нижнем этаже; единственное широкое окно этой комнаты, выходящее на площадь, было открыто в настоящую минуту из-за необыкновенной жары. Под окном находилась каменная скамейка, на которую приходили вечером посидеть соседи Антуана Ренодо и поболтать о своем житье-бытье.

В данный момент площадь была пустынна; камни мостовой блестели, как металлические; крестьяне были в полях, мастеровые при своих занятиях, одни зажиточные буржуа отдыхали после обеда.

Как раз в это время на площади показался нищий с сумой за плечами. Этот нищий, с седой и густой бородой, был в соломенной рваной шляпе с широкими полями и в оборванном платье.

Он медленно протащился через площадь как человек, очень утомившийся после долгого странствования, и, подойдя к скамье, тяжело на нее опустился. Потом голова его откинулась назад, шляпа сползла на лицо и защищала спящего нищего от солнца, мух и нескромного взгляда прохожих.

Глава III

INTER POCULA ET DAPES[2]

Опасения Антуана Ренодо были неосновательны: жаркое было пожарено как раз в пору.

Стол был также накрыт; на белой блестящей скатерти были расставлены фрукты и всевозможные острые сыры, явно выдававшие намерение хозяина гостиницы возбудить жажду обедавших, которая не утолится одной бутылкой вина.

Десерт — это минута откровенности, излиятий и конфиденций. Унтер-офицер доказал, что и он подлежал общему правилу. Это был хороший, добрый товарищ, сын трубача и маркитантки из Шамборан. Мать его умерла в родах, оставив ему маленькую сестру. Отец его, раненный при Росбахе под командой маршала де Субиза, ушел с военной службы и не покинул своего бывшего начальника, богатого помещика, возле городка Мирекур в Воже. У слуг той эпохи повиновение не значило рабство, но преданность. На жалованье у маркиза, своего бывшего командира, бывший гусар сохранил свое достоинство человека и солдата. Вот почему он не хотел чтобы сынишка его носил другую ливрею, кроме королевской.

Воспитанный по-военному, молодой человек вступил в 1790 году в кавалерию Конти, стоявшую гарнизоном в Понт-а-Муссон. Позже этот полк был переименован в 5-й драгунский, и с тех пор молодой человек продолжал свою службу, стараясь отличиться, где только мог.

— Черт возьми! — говорил он. — В продолжение этих двенадцати лет, что я таскался от Зюдерзе до Тибра, я не подумал ни разу попросить отпуска, чтобы идти расцеловать своего старика и сестренку. С нашими генералами нечего и думать о семейных забавах. Каждые шесть месяцев республика давала нам отдыху пять минут, чтобы выспаться...

— Однако же вы получали письма с родины? — спросил эмигрант с беспокойством, которое читатели скоро поймут.

— Еще бы! Целых три письма, ни больше ни меньше. Первое в Майнце, второе в Милане и третье в Гелиополисе. И какие письма! *«Имея целью известить тебя, что все мы здоровы, желаем чтобы ты был также здоров!»* А отвечать нечего было и думать. Не думайте, что

я не умею писать! Слава богу, я владею пером не хуже эскадрона, но дело в том, что у нас было другое, более важное дело.

С учреждением консульской гвардии унтер-офицер перешел в это отборное войско. Его блестящее поведение в битве при Маренго заслужило ему почетную саблю.

Это все хорошо, но в Люксембургском штабе его ждало письмо с черной печатью: старый трубач, его отец, перешел в вечность, а Дениза в полном отчаянии оставалась дома одна.

Храбрый солдат тотчас решил, как должен он поступить.

Савари занимался тогда реорганизацией объездных команд по департаментам. Наш драгун заявил желание перейти в это ведомство. Просьба его была представлена на разрешение первого консула с документами, свидетельствовавшими в пользу старого служаки.

«Я знаю этого молодца, — сказал Бонапарт. — Он деятельный и неглупый человек, не говоря про то, что у него железная рука и золотое сердце. Таких-то именно молодцов и нужно, чтобы поддерживать порядок в провинциях. Чтоб поощрить его старание, нужно ему дать повышение. Вы увидите, гражданин, военного министра, скажите, чтобы ему перешили нашивки на эполеты и послали его в Вож, где, знакомый с местными условиями, он принесет огромную пользу».

Так квартирмейстер был произведен в поручики и переведен в национальную жандармерию округа Мирекур. Теперь он ехал в Эпиналь, по месту своего нового назначения.

«Вы получите нужные инструкции от начальства, — сказал ему Савари, — и сойдитесь хорошенько с гражданскими властями, чтобы отыскать следы тех таинственных исчезновений разных лиц, по которым до сих пор еще ничего не известно. Первый консул очень рассержен из-за этих неудач. Будьте внимательны, осмотрительны, ловки и энергичны. Постарайтесь пролить свет на это темное дело. Капитанские эполеты заменят эти на ваших плечах, если достигнете успеха».

Из этого новый поручик заключил:

— Как только я устроюсь на моем новом месте, сейчас же перевезу к себе сестру. Она будет радостью моей и хозяйкой дома. Впоследствии я надеюсь найти какого-нибудь честного человека ей в женихи. Я очень люблю детей и буду доволен только тогда, когда меня окружит гурьба племянников и племянниц, которые будут дергать меня за усы и влезать

на колени.

И после краткой паузы добавил:

— Между нами будь сказано, Дениза вправе быть отчасти взыскательной. Воспитанная, как барышня, покойной владелицей замка, она, говорят, отказала уже не одному претенденту. Да, что я! Я и сам мог бы еще подумать о свадьбе.

И философски добавил:

— Ба! Не у всех счастье и заслуги Мюрата, Жюно, Лефевра и Ожеро. К тому же я вовсе не самолюбив, не завистлив и повторяю, что предупреждать преступные действия мошенников, ловить их и убийц — это все-таки споспешествовать благосостоянию отечества.

После такого рассуждения рассказчик налил себе стакан тионкурского вина — светлого, легкого, не выносившего ни дороги, ни перемены климата.

Его собеседник все время слушал молча, с тревогой.

— Мой милый соотечественник, — сказал он, колеблясь, — вы забываете одно обстоятельство...

— Какое?

— Сказать мне ваше имя, если при этом я не делаю никакой нескромности...

Тот громко засмеялся:

— Мое имя? В самом деле, не глуп ли я? Я вам еще не назвал свое имя.

И, приподнимая свою полицейскую шапку, он продолжал:

— Моего достойного отца — мир праху его — звали Марк Мишель Гатье. При жизни он носил зеленую шапку лесничего в округе Мирекур, немного южнее Виттеля. Меня же зовут Филипп Гатье, всегда готовый к вашим услугам, гражданин.

Эмигрант провел рукой по своему лбу, затем, принимая вид человека, решившегося на крайнюю меру, он коротко сказал:

— Доверие за доверие... Я отгадал ваше имя. Вот мое: Шарль Людовик Гастон, сын и наследник умершего маркиза д'Армуаза.

Вы поклялись бы, что, называя себя, маркиз д'Армуаз рисковал какой-то опасностью... Вы поклялись бы, что он боялся вызвать в своем собеседнике грозное восклицание. Однако же ничего подобного не произошло. Физиономия Филиппа Гатье не выражала ничего, кроме удивления, лишённого всякого недоброжелательства.

— Как? — вскричал он. — Вы сын бывшего маркиза! Наследник этого славного вельможи! Вы тот маленький Шарль Людовик Гастон, который воспитывался в Париже, тогда как я рос в замке...

Эмигрант подхватил:

— И который оставался в замке всего шесть месяцев, тому назад девять лет, в эпоху террора, когда я прятался в Воже, прежде чем бежать в Германию.

Заклучали ли в себе эти слова какой-нибудь тайный смысл? Так можно было подумать, судя по тому тону, которым они были сказаны. Молодой человек наблюдал за лицом своего собеседника, чтобы заметить его выражение.

«Он остается спокоен... Что это значит? Дениза сохранила наш секрет... Брат ее, следовательно, не знает о моем пребывании в Армуазе и о последствиях его?»

Действительно, черты лица Филиппа Гатье выражали только экстаз. Честный солдат сидел с широко открытыми глазами и ртом.

— Не во сне ли я вижу? — говорил он. — Мозги мои затуманились... Подумаешь, право, что тридцатисестифунтовая бомба попала мне в затылок...

Он протер себе руками глаза и стал проницательно рассматривать эмигранта...

«Да, — продолжал он про себя, — вот тот самый высокий лоб нашего древнего вельможи... и этот добрый и кроткий взгляд его супруги... Отпрыск напоминает старое дерево. Как я его раньше не узнал?»

Он с почтением снял шапку. Слезы катились по его грубой щеке.

— Кланяюсь вам, маркиз д'Армуаз, — сказал он торжественным и медленным голосом. — Да благословит вас небо! Я, со своей стороны, благодарю его за то, что оно помогло мне встретить в вас моего великодушного противника в Давендорфе и в то же время сына благодетелей моего семейства.

И он быстро прибавил:

— Таким образом, *sacrodieux*, я могу очень просто найти возможность услужить моему спасителю и господину...

Ошибиться не было возможности: радость этого простого, откровенного человека переполняла сердце его.

Вздых облегчения вырвался из груди эмигранта, проговорившего:

— Слава богу! Он ничего не знает! Я приеду вовремя!

В кухне между тем мэтр Ренодо вместе с Колишем кончали бутылку, за которую были от души благодарны Филиппу Гатье. Прислужницы болтали. Подавая и унося тарелки со стола двух собеседников, они слышали отрывки их разговора и говорили друг другу:

— Маленький, худощавый — маркиз. Однако же он меньше ест того, другого. Это странно, Мишелина; он должен был бы больше есть, потому что в состоянии больше платить.

Мишелина пожала плечами и отвечала:

— Задавленная лягушка этот маркиз, военный — дело другое!

Трактирщик в свою очередь говорил кондуктору:

— Я по нюху узнал, что посетитель — не простой человек. Слава богу, у меня нос хорош... Вы понимаете, когда встречаешься с князьями... Все, что есть лучшего среди дворян...

Колиш схватился за шапку и, выпив последний глоток из стакана, сказал, вставая:

— Прелесть, какое вино... как бархат... но мне все-таки пора отчаливать...

В конюшне разговор также шел об эмигранте и его товарище.

— Это заколдованный край, — утверждал один из конюхов. — Ни один из путешественников не возвращается назад.

— За всем этим кроется какая-то дьявольщина, — сказал другой. — Эти источники соленой воды, разве это достойно католиков! Они, говорят, излечивают разные болезни; я же думаю, что этот вкус воды происходит от того, что в ней потоплены были христиане...

Этот конюх намекал на источники в Виттеле, к которым стремились со всех сторон Франции.

— Барин-то, кажется, хороший... чемодан у него тяжелый, — заметил первый конюх. — Поспорим, что в нем больше, чем две рубашки на смену.

— В таком случае да спасет его Господь Бог. Дьявол — прехитрое создание, он пристаёт только к людям богатым.

— Да, но у него есть пистолеты... Он справится.

— У торговца мясом из Гагенау также были пистолеты.

— А между тем никто не знал, куда он девался.

— Впрочем, хозяин предупредил его.

— Если он заартачится, тем хуже для него.

— Его дело!

И все общество единодушно пожелало:

— Да защитит его святой Фуррье.

Крестьяне всей этой местности с особенным благоговением относились к священнику из Матинкура — Фуррье, канонизованному за добрые дела и благочестивую жизнь в конце последнего столетия.

Под окном столовой нищий все продолжал спать.

За столом собеседники продолжали сидеть, но молодой блондин не был столь мрачен, как прежде.

— Дорогой товарищ, — говорил он, — я надеюсь увидеться с вами завтра в д'Армуазе, где я буду утром. Наши отцы уважали друг друга и любили... Хотите последовать их примеру?

— Еще бы! — вскричал Филипп Гатье с признаком живейшей благодарности. — Но *sacrodieux!* Ничто не может доставить мне большей чести и удовольствия. Отныне, господин маркиз, между нами на жизнь и на смерть...

С тех пор как унтер-офицер узнал, с кем говорил, он не употреблял в разговоре слова *гражданин*.

Эмигрант продолжал:

— Это решено, я рассчитываю на вас и жду в замке.

— И вам недолго придется ждать, отвечаю вам за это. В Эпинале ничто не задержит меня... Только явиться к начальству, выслушать инструкции, поклониться гражданским властям и маршем к Денизе... Кстати, вы знаете, она живет в домике старика лесничего, на опушке парка... но главное, не предупреждайте ее о моем возвращении... Я так буду счастлив ее удивлению при виде меня, слезающего с лошади перед маленьким домиком, в моей новой форме и офицерских эполетах...

Маркиз взглянул на старинные фамильные часы, украшенные бриллиантами.

— Теперь около двух часов, — сказал он. — Я уеду в четыре, в восемь буду в Мирекуре, а в одиннадцать в Виттеле, где и заночую.

— Значит, вы не поедете прямо в Армуаз? Из Виттеля это ровно три шага.

Гастон грустно покачал головой:

— Вы забываете, что в Армуазе нет никого, чтобы меня встретить, и что сам замок мне не принадлежит.

— Как так?

— Не был ли он продан как национальное имущество?

— Тогда его нужно сейчас же выкупить! — вскричал горячо Филипп. — И если моя сумка солдата...

Эмигрант остановил его словами:

— А приданое Денизы?

— Ба! Она подождет... Я буду экономить на моем офицерском жалованье... и к тому же она так мила, так умна и образованна, что на ней женятся без приданого...

На лице эмигранта выразилось крайнее смущение.

— Кто может не гордиться, давая свое имя сестре такого превосходного человека, как вы?.. Но жертвы не нужно, у меня есть достаточно денег, чтобы выкупить замок.

— В самом деле?

Со стороны окна послышался слабый шум. Спавший нищий, не открывая глаз, изменил свое положение.

Его левый глаз и ухо были очень близко от опущенной шторы.

Маркиз, не обратив на это никакого внимания, продолжал:

— Я написал из Германии новым владельцам Армуаза. Они согласились возратить мне отцовское наследство за сумму в пятьдесят тысяч ливров, уплаченных за все сразу... Эти пятьдесят тысяч здесь, при мне...

— Пятьдесят тысяч ливров?.. В ассигнациях?..

— О нет... В хороших бумагах на Лондон, на предъявителя...

Филипп приложился по-военному:

— Поздравляю, гражданин Крез...

И, помолчав, добавил:

— Но говоря только что об Армуазе, вы сказали слово *наследство*...

— Ну и что же?

— Разве вы, подобно мне, лишились родителей?

— Отец и мать мои умерли в изгнании, — отвечал Гастон печально, — и теперь я возвратился во Францию единственным представителем моего рода.

— Извините меня за то, что я возбудил такие тяжелые воспоминания... Ваши родители были почтенные, достойные люди. Если есть рай на том свете, то, разумеется, они в нем.

На улице раздался звон бубенчиков.

Трактирщик вошел, чтобы доложить, что дилижанс сейчас

отправляется и кондуктор требует военного пассажира. Филипп Гатье поднялся с места.

— Последний стакан за ваше здоровье.

Эмигрант чокнулся стаканом со своим собеседником.

— До скорого свидания, не правда ли? — сказал он и, обращаясь к трактирщику, спросил: — А сколько должны мы вам, хозяин?

— По полупистолы каждый, гражданин.

— Это мы уже рассчитаем, — сказал эмигрант, кидая на стол двойной луидор.

Унтер-офицер хотел протестовать, вскричав:

— Ну уж нет, этого не будет, каждый сам за себя, *sacrodioux!*

— Не я ли хозяин? — сказал, улыбаясь, Гастон.

— Это правда... но в другой раз вы позволите уж мне угостить...

Колиш закричал:

— Садитесь, гражданин, садитесь скорее в карету!

— Идут, идут, — отвечал Филипп, выходя. — Ну уж никак не ожидал такого сюрприза...

При звуке упавшей на стол золотой монеты нищий вздрогнул. Это движение не скрылось от одного из конюхов, возившихся возле телеги.

— Кто посадил тут этого калеку? Ну, отправляйся, и поживей; поди вымойся в ручейке, ты еще запачкаешь тут грязный двор.

Спящий ответил только каким-то глухим ворчанием, но при этом вместо того, чтобы встать, он растянулся во всю длину на скамье. Конюх хотел уже его столкнуть, но в эту минуту голова эмигранта появилась из окна, чтобы видеть отъезд его нового друга.

— Черт подери! — вскричал он. — Оставьте его выспаться.

И с этими словами он опустил руку в карман, взял несколько мелких монет и кинул на спящего, но тот не двигался и захрапел еще крепче.

Филипп Гатье уселся в дилижанс, раскланялся еще раз с эмигрантом, и карета тронулась при громких ударах бича.

Глава IV

ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО

Когда дилижанс скрылся из виду, Гастон вернулся к столу, с которого Антуан Ренодо уже убирал посуду.

Лицо молодого человека было несколько мрачно.

— Это странно! — проговорил он. — Мне кажется, что я в последний раз виделся с этой храброй и великодушной личностью. Мне кажется, что этот временный собеседник лишил меня спокойствия духа... Какое несчастье висит над нашими головами?.. Кому угрожает оно? Я не знаю, но сейчас, когда брат Денизы сделал мне рукой прощальный жест, я мог ответить только: прощайте!.. Который из нас двух присужден умереть, не увидев другого?

Он провел рукой по лбу, как бы для того, чтобы разогнать мрачные мысли, и, обращаясь к хозяину трактира, сказал:

— Поговорим, любезнейший мой хозяин.

Провинциальный Виттель подошел с почтительным поклоном и с беспокойством спросил:

— Разве ваша светлость находит, что мною сделано какое-нибудь упущение, несмотря на все мое старание?..

— О нет,нисколько, любезный хозяин. За столом все было отлично. Но скажите, кто же открыл вам, что...

— Что я имею честь говорить с маркизом д'Армуазом? Э! Боже мой, моя собственная опытность, я вращался в таком высоком кругу... Ко всему этому прислужницы слышали то, что вы говорили за столом, а язык у них очень длинен.

— Хорошо, оставим это. Теперь дело в том, какие средства предложите вы мне, чтобы продолжать мое путешествие?

— Средства?

— Разумеется; разве вы не содержатель почты?

— Утвержденный всеми различными правительствами, под которыми мы живем эти последние двадцать пять лет.

— В таком случае, вы должны иметь лошадей и экипажи для путешественников... Вот мой паспорт, и я предлагаю заплатить, что нужно, за лошадей.

Лицо трактирщика заметно омрачилось. Крупные капли пота выступили у него на багровом лице.

— Разумеется, — проговорил он, — при всяком другом случае мои конюшни и экипажи были бы к услугам вашей светлости. Но при теперешних обстоятельствах я никогда не прощу себе того, что буду содействовать гибели моего ближнего. Если бы господин маркиз согласился изменить только свой маршрут...

— Изменить маршрут?

— Если бы господин маркиз решил ехать другой дорогой...

Эмигрант пристально посмотрел на трактирщика.

— Что вы, с ума сошли, любезный? — сказал он. — Разве я могу ехать не туда, куда меня призывают дела?

— В Виттель!

— Да, в Виттель.

— Сегодня вечером?

— Еще раз — да.

Антуан Ренодо всплеснул руками:

— В Виттель!.. Сегодня вечером!.. Это сумасшествие!.. Вы, значит, не знаете, что там происходит!

— Что там происходит! Я узнаю, если вы захотите мне сказать...

Трактирщик выделывал жесты, ясно доказывающие, что он был крайне взволнован.

— Возможно ли? — вскричал он. — Когда газеты кричат во всю глотку в продолжение нескольких месяцев! Когда об этом говорят в Париже, толкуют в провинции, в канцеляриях министерства полиции, в Тюильри, в кабинете первого консула!..

— Хорошо, — отвечал эмигрант, нетерпение и неудовольствие которого возрастали. — Но я не из Парижа, не из Тюильри, а приехал прямо из Германии, из Страсбурга... Итак, ради бога, без шарад... говорите прямо, в чем дело, иначе я подумаю, что вы совсем рехнулись.

Мэтр Антуан Ренодо окончательно был поражен. Подняв руки к небу, как бы призывая его в свидетели своего здравого смысла, он решил говорить.

Он говорил даже очень долго.

Мы избавим читателя от его повествования и передадим в коротких словах то, что может быть интересно читателю.

Да не подумают, что мы сочинили ужасы этой драмы, развязка

которой последовала 19 термидора IX года республики, в Вожском суде присяжных смертным приговором для пяти виновных.

Легенда о трактирщиках Виттеля очень популярна в Лотарингии. Она пугала нас в детстве своими кровавыми эпизодами и теперь еще, спустя полвека, повергает в ужас наших скромных обитателей провинции.

За восемнадцать лет до нашего рассказа, и, следовательно, пролога драмы, беспрестанные таинственные исчезновения погружали жителей этого маленького уголка древнего герцогства Лотарингского в панический ужас и страх.

Первое исчезновение произошло в 1790 году. К 1795 году насчитывалось их уже одиннадцать, к немалому удивлению и ужасу соседних жителей.

Превоты, мэры, уголовная палата в Нанси — все поднялись на ноги; но все было тщетно, все усилия бесполезны; никакого света не пролилось об участи жертв похищения.

Наступила революция. Общее внимание было привлечено к политическим происшествиям, следовавшим одно за другим с невероятной быстротой. И жители провинции Вож, послав в Париж контингент защитников против притеснителей и большие суммы денег, почти забыли думать о странных происшествиях, сценою которых служила часть их территории. Как вдруг повторились снова несколько случаев исчезновения, которые возмутили и ужаснули мирных жителей отдаленной провинции. Исчезновения не только повторились, но и значительно увеличились, и все на том же небольшом пространстве двенадцати лье в окружности.

Виновники возмутительных пропаж, очевидно, пользовались беспорядком, царившим в ту эпоху во всех административных и судебных установлениях.

Национальная гвардия одна исполняла многообразные обязанности полиции муниципальной и исполнительной.

Директория решила преобразовать полицию в Париже и в департаментах.

Но в столице эта полиция удовлетворялась только охранением директоров и наблюдением за всевозможными заговорщиками, которые скрывались под различными названиями и костюмами, тогда как в провинции все внимание полиции поглощали шайки грабителей и

разбойников — *Шофферов, Товарищей, Сальных Масок* и многих других.

Исчезновение жителей Вожа продолжалось. Неизбежная гибель предстояла тому, кто осмеливался вступить в эту местность. Яма, скрытая от взоров прохожего, засыпанная сверху землей, проваливалась, и несчастный исчезал навсегда, без того, чтобы родные или друзья могли когда-нибудь узнать о пропавшем.

Люди, которые должны были посещать этот проклятый край, решались вступать в него не иначе как окруженные конвоем, вооруженным до последней степени.

Крестьяне, отправляясь на полевые работы, брали с собой ружья. Ночью все заставляли свои двери баррикадами и приглашали к себе друзей и знакомых, чтобы проводить ночь... за разговором. Нигде не тушили огней и ждали рассвета с пистолетами в руках.

Дровосеки и угольщики, которые с незапамятных времен оставляли свои двери на ночь открытыми, запирали их теперь на замок, а богатый коммерсант в Нанси, — только и грезивший, что убийствами и призраками, — умер со страху.

Наступило 18 брюмера.

Заместив собою Барата в Люксембурге, Бонапарт водворился в Тюильри.

Он горячо взялся за дело, поручив Савари энергично преследовать зло.

Однако проницательность первого и энергия второго, казалось, не помогли добиться успеха. Принужденные вследствие полученных инструкций и приказаний, местные власти Эпиналя, Невшато и Мирекура тщетно предавались самым строгим розыскам по всему округу; ничто не всплыло наружу, все было скрыто.

Напрасны были все розыски, все домашние обыски у лиц подозрительных, прошлое которых почему-либо казалось не безупречным.

Все старания были тщетны, поражение было полное... громадная могила, открытая руками неизвестных людей, осталась неизвестной, как и погребение в ней.

— Черт возьми! Нельзя же пропасть сотне людей в какие-нибудь двадцать лет без того, чтобы не осталось никакого следа! — заключил Антуан Ренодо. — Должны же найтись где-нибудь скелеты погибших.

И что же, ничего не нашли эти судебные власти, ни одной косточки, ни одного указания.

Гастон д'Армуаз выслушал его молча и улыбаясь. Когда говоривший замолк, он облокотился руками на стол и задумался.

— Я обещал... меня ждут. Я сдержу обещание... — проговорил наконец молодой человек.

И громко добавил:

— Хозяин, у вас есть какая-нибудь продажная лошадь?

— Лошадь?

— С седлом, разумеется... и хорошая, чтобы могла, не устав, пробежать те восемь или десять лье, которые считают между Шармом и Виттелем?

— Как? — вскричал Ренодо. — После того, что я имел честь вам высказать, господин маркиз продолжает настаивать на своем решении?

— Хозяин, — отвечал спокойно эмигрант, — я верю, что есть много правды в том, что вы мне передали, но во всяком случае фантазия также немало приукрасила ваш рассказ; я должен, однако, сдержать данное слово и лучше умру, чем позволю сомневаться во мне. К тому же я молод и ловок, не лишен мужества и осторожности. Наконец, я хорошо вооружен. Вы меня предупредили, и этого совершенно достаточно.

И с жестом, доказывающим его нетерпение, молодой человек прибавил:

— Я вполне полагаюсь на ваш выбор и определение цены за лошадь. Через час она должна быть оседлана. Вы посмотрите внимательно, чтобы крепче привязали к седлу мой чемоданчик и в кобуры положили пистолеты.

Побежденный Антуан Ренодо направился уже к двери, но не успел еще переступить порога ее, как эмигрант сказал:

— Пришлите, пожалуйста, что нужно для письма и уведомьте, когда все будет готово для отъезда.

Услышав распоряжение молодого человека, чтобы все было готово к отъезду через час, нищий, расположившийся под окном, быстро поднялся, потянулся, зевая, и окинул взглядом всю площадь.

Она была совершенно пустынна. Июльское солнце ярко горело, распространяя невыносимый жар.

Нищий медленными шагами потащился в ту сторону, откуда пришел. Странная вещь: он пренебрег мелкими деньгами, брошенными